

В. В. Стоклицкая-Терешкович

**Очерки по социальной
истории немецкого города в
XIV-XV веках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. В. Стоклицкая-Терешкович**
Очерки по социальной истории немецкого города в XIV-XV веках / В. В. Стоклицкая-Терешкович – М.: Книга по Требованию, 2016. – 342 с.

ISBN 978-5-458-46460-4

В книге описана социальная история немецкого города в период XIV-XV веках. Автор предоставляет информацию от описания имущественной структуры городского населения Германии в XIV-XV вв. и эволюция цехового ремесла в немецких городах до политической борьбы в Кельне в XIV-XV вв. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-458-46460-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О черк VI

Продовольственная политика города в XIV—XV вв 236

Система зерновых запасов (236—238). Регламентация торговли продовольствием (238). Рынки (239—240). Присяжные маклера (240). Система преимущественного удовлетворения потребителя (241—242). Борьба с посредничеством и спекуляцией предметами питания (242—245). Мероприятия города в области распределения зерна в голодные годы (245—250). Регламентация деятельности цехов, изготавливающих предметы питания (250—254). Вопрос о допущении цеховых элементов к производству предметов питания (254—258). Фальсификация съестных продуктов и комиссии для надзора за их доброкачеством (258—260). Таксы на съестные припасы (260—264). Продовольственные волнения в Кельне (265—267). Гамбургское восстание 1483 г. (267—273). Выводы (273—274).

О черк VII

Политическая борьба в Кельне в XIV—XV вв 275

Значение цеховых восстаний в истории средневековых городов (275—276). Общие данные по истории Кельна и характеристика его торговых сношений (276—283). Патрициат и его политическое господство в XIV в. (283—294). Восстание ткачей (294—302). Характеристика политической борьбы в Кельне в период времени с 1371 по 1396 гг.; борьба между архиепископом и городом; партии патрициата — «Греффены» и «Друзья» (302—312). Причины раскола патрициата как социального целого (312—316). Падение политической власти патрициата в Кельне в 1396 г. и характеристика нового строя по «Союзной грамоте» (316—318). Политическое господство купеческих слоев в Кельне в XV в. (318—319). Переворот 1513 г. и его социальный смысл (319). Выводы (320—321).

Заключение 322**ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 353**

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга посвящена социальной истории немецкого города второй половины XIV и всего XV вв.

Факты, из которых складывается история этих полутора веков, пестры и разнообразны. Это эпоха сословной монархии и роста государственной централизации; эпоха столетней войны между Францией и Англией из-за обладания промышленной Фландрией; эпоха больших крестьянских восстаний — Уота Тайлера в Англии, Жакерии во Франции — и ряда мелких крестьянских восстаний, предтеч крестьянской войны в Германии; эпоха глубокого социального брожения в городах и оформления новых идеологических течений. Авторитет католической церкви — этого оплота средневековой идеологии — уже поколеблен. В лице Гуса и Уиклефа уже подняла голову реформация, а движение таборитов уже предвещает появление левых анабаптистских сект XVI в.

Эта пестрая и сложная масса фактов прочно объединена в одном крепком узле. Все они отражают один из крупнейших социально-экономических сдвигов, происшедших на протяжении европейской истории, а именно — ранние стадии процесса разложения феодализма.¹ Это не тот еще бурно-стремительный распад феодализма, который характерен для двух последующих столетий — XVI и XVII. Но все же феодальное общество уже заметно подточено и продолжает подтачиваться элементами товарного производства, которые, начиная с эпохи крестовых походов, играют все возрастающую роль в экономической жизни Европы, в противоположность раннему средневековью — этой эпохе решительного господства натурального хозяйства.

¹ Ср. статью Ф. Энгельса о разложении феодализма в «Пролетарской революции», 1935 г., № 6. Ф. Энгельс утверждает, что в середине XV в. разложение феодального общества вполне определилось.

Указанной причиной объясняется беспокойно-волнующийся характер эпохи, отмежеванной нами для исследования. Разложение старого общества, созревание в его недрах элементов нового общества неминуемо должны были умножить и усилить проявления социальной розни, обострить классовую борьбу, повлечь изменение государственных форм, поставить перед государством новые задачи, выдвинуть новые международные конфликты, поколебать значение старых авторитетов веры. Конечно, величайшие социальные движения этой эпохи исходят из среды крестьянства. Его расслоение, рост сеньориальных повинностей, обезземеленье части крестьянства — все эти явления, связанные с развитием товарного производства, делали крестьянскую массу очагом восстаний. Но и в городе этой эпохи ярко обнаруживаются социальные конфликты. Это тем более понятно, что город с первых же шагов своего развития был центром производства для продажи, центром товарного производства, разьедавшего феодальный мир. В городе складывались новые производственные отношения, видоизменявшие и разлагавшие средневековое ремесло. Здесь зрели ростки капитализма. Ремесленная масса города, подобно крестьянской массе, все глубже расслаивалась. Менялось внутреннее соотношение отдельных ее частей, одни слои ее опускались, другие подымались, и уже многие ремесленники, несмотря на сохранение мастерской и кажущуюся неизменность своего положения, фактически утратили экономическую самостоятельность, а многие утратили даже возможность когда-либо приобрести средства производства. Конечно, эти глубокие сдвиги отражались на политической жизни города, на борьбе в нем партий, на политическом строе, на внешних сношениях, порождая во всех указанных сферах ту же напряженность классовой борьбы, ту же неустойчивость и потрясенность, печать которых лежит на всей истории интересующей нас эпохи.

Предлагаемая книга ставит своей задачей осветить, исходя из материала источников, через конкретные зигзаги и извилины развития, различные сферы городской жизни во второй половине XIV и в XV вв. Подчеркиваем, что в большей части исследования нас интересовала не статика исторического явления, а его сложная динамика. На протяжении полутора веков процесс разложения феодализма углубился, и проявления его

приняли более резкий характер. К сожалению, вследствие недостатка материалов и особенно статистических данных, реконструкции поддаются далеко не все этапы социальной истории города. Необходимо учитывать, что часто итоги эволюции всплывают совершенно отчетливо, между тем как промежуточные стадии ее ускользают от наблюдения историка.

Огромный размер задачи, стоявшей перед нами, требовал самоограничения, и поэтому для нас заранее не могло быть речи о том, чтобы охватить исследованием *все* типичные проявления городской жизни, или *большую* часть их. Мы отказались от освещения проблемы взаимоотношений между городом и деревней, проблемы настолько сложной, что она одна требует специального большого исследования; мы не касаемся вопроса об отношениях между городом и государством, тоже крайне своеобразного, ибо в XIV и XV вв. город обладал гораздо большими политическими правами, чем в последующую эпоху, и был *единственным* носителем внешней торговли — государство в этом смысле не играло роли. *Мы остановились лишь на нескольких узловых проблемах истории города во второй половине XIV и в XV вв., которые мы считаем особенно характерными для этой истории.* Таковы: вопрос об имущественной структуре городского населения, о разложении цеха, о положении ремесленных рабочих, о характере и объеме торговых связей, о продовольственной политике города и о политической борьбе в нем в эпоху цеховых восстаний. Основным стержнем работы явилась обрисовка классовой борьбы, развертывавшейся в городе. Рисуя ее, мы стремились выявить разрозненные элементы капиталистических отношений, складывавшихся в недрах этого еще феодального, еще средневекового общества и в конечном итоге разлагавших его. Мы осуществляли эту задачу, тщательно избегая модернизации, стремясь сохранить все характерные особенности, весь своеобразный колорит эпохи, все сложное сплетение в пей элементов старого и нового.

Работа базируется, как мы указали, главным образом на немецких материалах, что отнюдь не является случайностью. Социальная история немецкого города XIV—XV вв. представляет, в силу причин, которых мы коснемся ниже, исключительный интерес, но в то же время она в большей мере подверглась искажению, чем история французского и английского городов

этой эпохи, Процесс разложения феодализма протекал неравномерно, начинаясь в одних странах раньше, в других позже. В рассматриваемую эпоху Германия не была экономически отсталой страной. Через нее проходили важнейшие артерии европейской торговли, значительная часть произведений ее промышленности становилась объектом широкого торгового оборота. Именно поэтому процесс разложения феодализма должен был всколыхнуть жизнь немецкого города в не меньшей степени, чем он всколыхнул жизнь французского и английского города. Это представление вполне гармонирует с материалом источников и с основными фактами городской истории, дошедшими до нас от той эпохи. Материал хроник, актов, цеховых статутов громко вопиет о том, что XIV—XV вв. были в истории немецкого города временем социальных переворотов, резких общественных сдвигов, острой классовой борьбы. Во второй половине XIV и в XV вв. по Германии прокатилась волна цеховых восстаний. Их история в целом еще не написана. Но и отрывочных описаний некоторых из них достаточно, чтобы понять, какое потрясение переживали, в то время маленькие общественные организмы немецких городов, и как резко и ожесточенно поднимались там слои против слоев. А с другой стороны необходимо учесть, что исследуемая эпоха непосредственно подводит нас к Крестьянской войне, всколыхнувшей сверху-дону все общество Германии и столь значительной по силе социального эффекта, что Ф. Энгельс считал возможным провести аналогию между социальными группировками, сложившимися в ходе этой войны, и ее итогами и между группировками и итогами революции 1848 г. в Германии. Город сыграл крупную роль в Великой крестьянской войне. В целом ряде городов низшие слои населения оказали крестьянству активную поддержку, солидарно выступая вместе с ним. Эти факты бросают яркий луч света на социальную историю города в эпоху, предшествовавшую Великой крестьянской войне, т. е., другими словами, в исследуемую нами эпоху. Совершенно очевидно, что в эту именно эпоху в городе складывались те социальные противоречия, которые в начале XVI в. толкнули городскую бедноту на союз с восставшим крестьянством.

В каком же виде рисует эту эпоху в истории немецкого города буржуазная историография?

Она трактовала ее с точки зрения двух противоположных концепций.

Монографии, посвященные разработке отдельных частей истории города и непосредственно базирующиеся на материале источников, *частично* отражают характер эпохи, — не всегда одинаково полно и не всегда одинаково точно, но все же отражают его. *Общие концепции* истории этого периода далеко отклоняются от непосредственного живого смысла фактов. Этот упрек особенно верен по отношению к наиболее распространенной из этих общих концепций, получившей чрезвычайно резкую формулировку в трудах К. Бюхера. Ее сторонники рисуют немецкий город XIV—XV вв. как маленький обособленный мирок, расцветаемый ими всеми красками социального благополучия. Эта тихая социальная заводь, утверждают они, не знает ни значительного имущественного неравенства, ни резких социальных различий, ни классовой борьбы. На всей социальной жизни этого города лежит печать устойчивости и спокойствия. Это одна из сторон концепции К. Бюхера. Другой стороной ее является известная теория «замкнутого городского хозяйства». Она односторонне, схематично изображает экономическую жизнь города XIV—XV вв. замкнутой в узком кругу меновых сношений с непосредственно примыкающей к нему округой.

Трудно представить себе теорию, в большей мере противоречащую фактической истории города XIV—XV вв., чем только что охарактеризованная нами. Тем не менее она оказалась крепкой и живучей. Несмотря на выдвигавшиеся и выдвигающиеся против нее возражения, она продержалась до наших дней и оказывает влияние как на обобщающие работы по истории города, так и на монографические исследования в этой области, толкая последние на путь слепого искажения исторических фактов.

Особенно широкое распространение получила чисто экономическая сторона ее — теория «замкнутого городского хозяйства». В то время как «теория стадий» экономического развития, также связанная с именем К. Бюхера, уже давно изжита даже в буржуазной историографии, теория «замкнутого городского хозяйства», претендующая на приложимость к экономическому развитию всех стран Западной Европы, продолжает порождать массу заблуждений.

Чтобы совлечь покровы, в которые историческая романтика облекла историю пемецкого города эпохи XIV — XV вв., и восстановить истинный социальный образ этого города, генетически связанного с городом эпохи крестьянской войны, плебейская масса которого боролась в рядах крестьянства, существует один лишь путь, а именно: нужно вновь обратиться к источникам, на которые ссылаются произведения этой романтики, и последовательно пересмотреть их в плоскости интересующих нас проблем. В предлагаемой книге мы вступили на путь такого пересмотра.

Из сказанного явствует, что в нашу исследовательски-конструктивную работу по необходимости должна была вплетаться критико-полемическая струя.

Здесь необходима одна существенная оговорка. Предлагаемая книга полемически заострена против К. Бюхера. Следует ли отсюда, что точки зрения, защищаемые ею, совпадают с взглядами другого представителя буржуазной историографии, обычно противопоставляемого К. Бюхеру, как его антипод, — Допша? Ни в коем случае. Все предпосылки, из которых мы исходим в нашем исследовании, диаметрально противоположны допшианским. Допш отстаивает точку зрения непрерывного существования города от римских времен через раннее средневековье к новому времени. Мы же разделяем точку зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, считая, что западно-европейские города «не перешли в средневековье в готовом виде из прошлой истории, а образовались заново освободившимися крепостными» (см. «Немецкая идеология»,¹ стр. 41, Партиздат, 1933 г.); и ведем историю немецкого города с XI в. Допш доказывает, что и в раннее средневековье (он специально подчеркивает это для каролингской эпохи) существовали не только большие города, но и развитой капитализм. В его концепции не только отсутствует марксистское понятие общественной формации, — в ней исчезает само понятие исторического развития. Он находит капитализм в древней Иудее и стирает различие между натуральным и денежным хозяйством. Все эпохи многовековой европейской истории вытягиваются им в одну ровную линию. Мы стоим на твердой почве марксистской теории о смене общественных формаций в процессе исторического развития. Средние века мы понимаем как эпоху господ-

ства феодальной формации. Это равносильно отрицанию того, что капитализм мог существовать в средние века как определенная система производственных отношений. Капитализма не было в Западной Европе не только в раннее средневековье, до эпохи крестовых походов, но и в период времени от XI и до XVI вв. Но если, как мы указали уже выше, в раннее средневековье западноевропейское общество покоится на неоспоримом господстве натурально-хозяйственной системы, то, начиная с эпохи крестовых походов, все сильнее сказывается роль товарного производства, разлагающего феодализм. XVI век — это грань в истории Западной Европы. В XVI в. общество ее вступает в полосу быстрого и интенсивного разложения феодализма. Обратной стороной этого процесса является формирование раннекапиталистических отношений — напомним, что К. Маркс относит начало капиталистической эры к XVI в. (см. Капитал, т. I, стр. 574, Партиздат, 1935 г.). Мы сделали объектом нашего исследования историю немецкого города, стоящего на самом рубеже феодальной эпохи и эпохи интенсивного разложения феодализма, подчеркнули наличие значительного обмена в эту эпоху, *по сравнению с ранним средневековьем*, и выдвинули в *числе других вопросов* проблему созревания элементов капиталистических отношений в недрах еще феодального города. Такова основная задача нашей работы. Легко понять, что она диаметрально противоположна допшианству.

Обращаемся к вопросу об источниках и литературе, использованных нами.

В смысле материалов мы находились в благоприятных условиях. По истории немецких городов имеется большое количество документального материала, извлеченного из архивов и опубликованного в печати. Напомним хотя бы о многочисленных изданиях рейнского и ганзейского исторических обществ. Историк итальянских, французских и фландрских городов, не имеющих возможности работать в архивах Италии, Франции и Бельгии, находится в менее благоприятном положении, чем находились мы, ибо он располагает гораздо меньшим количеством опубликованных первоисточников. Благоприятной предпосылкой успешности нашей работы являлось обилие монографических исследований, посвященных истории немецкого города

XIV—XV вв. Хотя многие из них носят на себе, как мы указали, отпечаток неправильной общей концепции, но, при критическом отношении к ним и при проверке их источниками и другими монографиями, они все же дают основу, опираясь на которую можно сделать ряд твердых выводов общего характера.

Резюмируем наши положения. *Мы стремились восстановить конкретный социальный образ немецкого города во второй половине XIV и в XV вв. во всем его своеобразии. С этой целью мы остановились на нескольких узловых проблемах истории города. Основным стержнем исследования являлась классовая борьба, развертывавшаяся в городе. Рисуя ее, мы выявляли разрозненные элементы капиталистических отношений, формировавшиеся в городе указанной эпохи. Мы стремились устранить разрыв между конкретной историей немецкого города и тем освещением ее, которое дается концепцией К. Бюхера. Мы предполагаем, что наше исследование дает некоторую основу для суждения о роли города в Великой крестьянской войне.*

Работа построена по следующему плану. Очерк I освещает на основе статистического материала в эволюционном разрезе имущественную структуру городского населения Германии в XIV—XV вв. Этот очерк образует в известном смысле схематическую основу, которая в дальнейшей части книги наполняется конкретным содержанием. Очерк II выполняет одну из частей этого последнего задания. Он рисует внутреннее расслоение ремесленной массы. Очерк III продолжает эту работу, рисуя возникновение социальных противоречий между подмастерьями и мастерами, экономическое и юридическое положение подмастерьев и постепенное развитие их движения. Очерк IV содержит дополнительную характеристику одного из элементов рабочей массы той эпохи — строительных рабочих. В тесной связи с предыдущим содержанием книги находятся очерки V и VI, разрабатывающие проблему продовольственной политики города. Очерк V оттеняет в плоскости продовольственной политики города характер торговых связей в XV в. Очерк VI рассматривает в той же плоскости продовольственный вопрос и рисует социальную борьбу, разгоравшуюся на почве продовольственных нужд. И, наконец, очерк VII освещает, на примере